HSR London International Conference on Multidisciplinary Academic Research
(HSR-ICMAR) 2026
https://houghtonstreetreview.com/index.php/conference

СИМВОЛИКО-ПАРАБОЛИЧЕСКАЯ ФОРМА ПСИХОЛОГИЗМА: К РАСШИРЕНИЮ ТИПОЛОГИИ НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЫ (ИСАЖОН СУЛТАН И В. ПЕЛЕВИН)

Норова Малика Дилшод кизи,
ассистент-преподаватель, Каршинский международный университет, г. Карши, Узбекистан,
e-mail: malikanorova294@gmail.com
https://doi.org/10.5281/zenodo.21472751

Аннотация. Классическая типология форм психологизма (прямая, косвенная, суммарно-обозначающая; А. Б. Есин), сложившаяся на материале европейского романа, не охватывает повествовательных стратегий восточных традиций. На материале романа Исажона Султана “Боқий дарбадар”, рассматриваемого в сопоставлении с “Чапаевым и Пустотой” В. Пелевина, впервые обосновывается четвёртая — символико-параболическая — форма психологизма, при которой внутреннее состояние вербализуется обобщённым символом или притчевым эпизодом. Раскрываются её генезис (суфийская схема стоянок пути, дастан, притча) и функция созерцательного сопереживания, отличная от эмпатии-отождествления.

Ключевые слова: психологизм, форма психологизма, парабола, символ, суфийская поэтика, узбекская проза, типология, Исажон Султан, В. Пелевин

Annotatsiya. Psixologizm shakllarining klassik tipologiyasi (to‘g‘ridan-to‘g‘ri, vositali, umumlashtiruvchi; A. B. Yesin) Yevropa romani materialida shakllangan bo‘lib, Sharq an’analarining hikoya strategiyalarini qamrab olmaydi. Isajon Sultonning “Boqiy darbadar” romani materialida (V. Pelevinning “Чапаев и Пустота” romani bilan qiyosan) psixologizmning to‘rtinchi — ramziy-parabolik shakli asoslanadi; bunda qahramonning ichki holati umumlashgan ramz yoxud masal-epizod orqali verbalizatsiya qilinadi. Uning genezisi (so‘fiyona “maqomot” sxemasi, doston, masal) hamda empatiya-ayniyatdan farq qiluvchi “mushohadakor hamdardlik” vazifasi ochib beriladi.

Tayanch so‘zlar: psixologizm, psixologizm shakli, parabola, ramz, so‘fiyona poetika, o‘zbek nasri, tipologiya, Isajon Sulton, V. Pelevin

Abstract. The classical typology of the forms of literary psychologism (direct, indirect and summarizing; A. B. Esin), developed on the European novel, fails to accommodate the narrative strategies of Eastern traditions. Drawing on Isajon Sulton's novel “Boqiy darbadar” (Boqiy darbadar, “The Eternal Wanderer”), examined against V. Pelevin's “Чапаев и Пустота” (Chapaev and the Void), the paper substantiates a fourth — symbolic-parabolic — form of psychologism, in which an inner state is verbalized through a generalized symbol or a parable episode. Its genesis (the Sufi scheme of the stations of the path, the dastan, the parable) and its function of contemplative empathy, as distinct from empathy-as-identification, are elucidated.

Keywords: psychologism, form of psychologism, parable, symbol, Sufi poetics, Uzbek prose, typology, Isajon Sulton, V. Pelevin

Типология форм психологизма, разработанная на материале европейского и русского романа и получившая законченный вид в трудах А. Б. Есина, различает три способа

изображения внутренней жизни — прямой (изнутри: внутренний монолог, несобственно-прямая речь), косвенный (извне: симптоматическая деталь, соматика, жест) и суммарно-обозначающий (называние душевных процессов) [2]. При всей своей объяснительной силе эта типология обнаруживает границы применимости, как только исследователь выходит за пределы европейской повествовательной традиции: она не предусматривает стратегий, выработанных словесностью Востока. Настоящая работа впервые обосновывает четвёртую — символико-параболическую — форму психологизма, при которой внутреннее состояние вербализуется не описанием, а обобщённым символом или притчевым эпизодом; материалом доказательства служит роман Исажона Султана «Боқий дарбадар», рассматриваемый в контролируемом сопоставлении с «Чапаевым и Пустотой» В. Пелевина [3].

Выбор именно этой пары продиктован её сходством: оба романа принадлежат философски усложнённой линии своих литератур и сближены целым рядом формальных признаков — фрагментарной композицией, размыванием границ реальности, притчевостью, вынесенным в заглавие образом-концептом, экзистенциальной проблематикой пути и смысла. Такое совпадение формы и делает материал показательным: там, где схождение приёмов исключает ссылку на жанр, различие в способе вербализации внутренней жизни приходится относить уже к глубинному, ментальному уровню.

1. Материал и методика исследования. Работа опирается на качественный — концептуальный, контекстуальный и лингвостилистический — анализ эмотивных контекстов двух романов [7; 8]. Основанием сопоставления служит tertium comparationis — единый для обоих текстов набор параметров описания внутренней речи и способов её вербализации [1]. Теоретическую рамку образуют, с одной стороны, типология психологизма А. Б. Есина [2], с другой — модель взаимозависимого «Я» Х. Маркуса и С. Китаямы [6], позволяющая связать нарративную форму с типом культурной личности.

2. Границы классической типологии на восточном материале.

Прямое перенесение европейской типологии на узбекский текст чревато систематической ошибкой: меньшая, нежели в русской прозе, плотность прямых психологических описаний легко истолковывается как «слабость» психологизма. Между тем перед нами не дефицит, а иной способ изображения внутреннего, где роль аналитического описания принимают на себя символ, композиция и интонация. Восточная словесность — дастан, притча, житие, суфийская лирика — выработала конвенцию, возводящую единичное переживание к вечному образцу и измеряющую чувство не интенсивностью, а высотой; сильному чувству, которому этикет закрывает путь прямого изъявления, предуказана сублимация в устойчивый образ: соловей и роза, мотылёк и свеча, путь и караван, сад и осень [4]. Отсюда следует, что аппарат, описывающий изображение внутренней жизни, нуждается в форме, специально ориентированной на символическую и параболическую вербализацию.

3. Символико-параболическая форма в романе Исажона Султана.

В «Боқий дарбадар» чувство почти не даётся в прямом психологическом описании — оно воплощается в обобщённом образе (дорога, паутина, свет, жажда), в притчевом эпизоде, в ритмизованном лирико-философском отступлении. Заглавный образ-концепт «дарбадар» (скиталец, бездомный) двоится: на одном полюсе — трагедия неприкаянности с её шлейфом одиночества («ёлғизлик») и покинутости, на другом — путь духовного восхождения, сближающий скитальца с суфийским дервишем, для которого бесприютность есть условие свободы; эпитет «боқий» (вечный) поднимает образ до обобщённо-философского удела человека. Эмоция здесь возникает не из называния, а из архетипической оппозиции — свет/тьма, жажда/вода, паутина/дорога, сад/пустыня, — приводящей в действие многовековой культурный резонанс, от кораническихсюжетов до газельной символики: «[иллюстративная цитата — вставляется по изданию]» [7, с. …].

Психологизм Султана есть психологизм состояний, а не процессов: текст закрепляет духовные «стоянки» героя — тревогу, отчаяние, прозрение, упование, — не прослеживая микродинамику переходов. Такая структура прямо воспроизводит суфийскую схему «мақомот» (стоянок пути) и равно отлична как от толстовской «диалектики души», так и от медитативного самоанализа психологического романа. Эмоциональные кульминации приобретают литургическое звучание: страх разрешается не утешением, а благоговением («ҳайрат» — изумление перед тайной бытия), отчаяние — не надеждой на удачу, а упованием («таваккул»). При этом религиозная эмоциональность подана вне дидактики: роман не проповедует, а воспроизводит самый строй чувства, сформированный духовной традицией, — и именно эта воспроизводимость строя, а не декларация ценностей, делает текст репрезентативным для лингвокультурологического анализа. Генетически описанная форма восходит к дастану, притче и суфийской поэтике; исследователи отмечают органичность этого языка, удерживающего в равновесии усложнённую форму и ясное нравственное содержание [5].

4. Контраст с рефлексивным психологизмом В. Пелевина.

Роман Пелевина при внешней близости конструкции реализует противоположную стратегию — рефлексивную. Чувство здесь не изображается, а препарируется: герой не столько переживает, сколько наблюдает себя переживающим, комментирует и иронизирует, переводя эмоцию на язык философской проблемы: «[иллюстративная цитата — вставляется по изданию]» [8, с. …]. Господствует прямая номинация с рефлексивной надстройкой и ироническим самокомментарием; телесность сведена к минимуму — чувство «обезтелесено», перенесено в план сознания. Заглавная «пустота» двоится так же, как «дарбадар» (ужас — освобождение), однако у Пелевина эта двойственность разрешается упразднением самого субъекта переживания, тогда как у Султана оба полюса удержаны нравственной вертикалью: скитание имеет цель.

Различие обнажается при сопоставлении двух контекстов внутренней речи: рефлексия о страхе перед пустотой, завершаемая ироническим самокомментарием, — у Пелевина; коленопреклонение скитальца на распутье, обращение к Всевышнему и наступившая тишина, в которой герою становится «легко», — у Султана. Молитва против рефлексии как два жанра внутреннего слова — такова сжатая формула расхождения. Оба автора отстраняют читателя от непосредственного «вчувствования», но вектор отстранения противоположен: ирония Пелевина дистанцирует, чтобы разоблачить чувство как привязанность к иллюзии, — параболическая обобщённость Султана дистанцирует, чтобы возвысить его до общечеловеческого удела.**5. Функция: созерцательное сопереживание.** Притча не индивидуализирует переживание, а типизирует его: скиталец дан как Человек вообще, его чувства — как уделы, а не случаи. Соответственно текст программирует особый род читательской эмоции — не эмпатию-отождествление, свойственную психологическому роману, а созерцательное сопереживание, отстранённое обобщением и тем самым очищенное: читатель скорбит не о персонаже, а о человеческом уделе, просвечивающем сквозь него. Этот режим глубоко традиционен для восточной словесности и функционально соотносим с пелевинским остранением — при уже отмеченной противоположности вектора. Символико-параболическая форма психологизма, таким образом, не беднее классических: она решает иную коммуникативно-эмоциональную задачу, для описания которой прямой, косвенной и суммарно-обозначающей форм оказывается недостаточно.

6. Ограничения, теоретический вывод и перспективы. Предлагаемое обобщение опирается на два романа и потому характеризует исследованный материал, а не восточную повествовательную традицию в целом; выделяемая форма представлена в узбекской прозе с разной степенью выраженности и нуждается в проверке на расширенном корпусе. С этой оговоркой дополнение типологии форм психологизма четвёртой, символико-параболической формой представляет собой теоретический итог сопоставления: категориальный аппарат, выработанный на европейском романе, требует расширения при выходе за пределы европейской традиции.

Роман Султана эмпирически опровергает представление, будто усвоение современных повествовательных форм влечёт унификацию эмоционального содержания: форма заимствуема, эмоциональная культура — нет, и национальный менталитет обнаруживает себя не в наборе тем и приёмов, а в способе разрешения универсальных коллизий чувства. Перспективу исследования составляют типологическая триангуляция — проверка выделенной формы на ином восточном материале (арабском, персидском, тюркском), — диахроническое прослеживание символико-параболического психологизма от классического дастана к современному роману и разработка формальных признаков, позволяющих объективировать долю символико-параболической вербализации в тексте.

Список использованной литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
3. Норова М. Вербализация эмоций в художественном тексте как отражение национального менталитета (на материале русской и узбекской литературы): монография. – Карши: ООО «YURISTIM TEAM», 2026. – 85 с.
4. Сафаров Ш. Прагмалингвистика. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008. – 300 б.
5. Қуронов С. Исажон Султоннинг икки романи ҳақида [Электрон ресурс]. – URL: https://kh-davron.uz
6. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // Psychological Review. – 1991. – Vol. 98, No. 2. – P. 224–253.
7. Султон Исажон. Боқий дарбадар: роман. – Тошкент: Ўзбекистон, 2011. – 288 б.
8. Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1996. – 398 с.